

ние»¹⁴. Ленинская партия во всей своей практической деятельности последовательно сочетает уважительное отношение к национальным чувствам, национальному достоинству каждого человека с бескомпромиссной борьбой против таких чуждых природе социализма проявлений, как шовинизм или национализм, против любых националистических выводов. Партия решительно выступает, как и завещал великий Ленин, против национальной узости, замкнутости, обособленности, против национального эгоизма и кичливости, которые проявляются иной раз в местнических тенденциях, попытках воспевать патриархальщину, неклассовом подходе к оценке исторических событий и т. п. Непримируемое отношение к любым, чуждым интернационализму явлениям, бескомпромиссная борьба с ними — одно из важных направлений совершенствования национальной психологии, укрепления дружбы и братства народов СССР, формирования нового человека.

Руководствуясь указанием Ленина о подчинении «интересов частного интересам общего», партия особое значение придает интернациональному воспитанию советских людей. «Священный долг партии — воспитывать трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордого чувства принадлежности к единой великой •Советской Родине»¹⁵.

Возникновение единого патриотического чувства всего нашего народа представляет собой важный идейно-политический и эмоционально-нравственный результат взаимосвязанного, взаимообогащающего развития общественного сознания, психологии, культуры социалистических наций и народностей, сплотившихся в новую историческую общность людей и объединенных общими задачами коммунистического строительства. Изучение генезиса, содержания и перспектив развития общенациональной гордости советского человека, разработка связанных с этим практических, воспитательных задач представляют собой комплексную проблему марксистско-ленинской теории национальных отношений.

В заключение вновь отметим, что национальная психология представляет собой структурно-динамическое единство волевых, морально-психологических, социально-эмоциональных моментов, своеобразное сочетание которых придает национальную окрашенность устойчивым элементам психики. Содержащаяся в них историко-этническая информация, ступаясь, приобретает качество направленной программы национально-своеобразного мироощущения и реагирования на события и явления жизни. В известном смысле национальные чувства, переживания, настроения являются как бы продолжением, реализацией, эмоциональным выражением психического склада, национального характера, одновременно в них закрепляясь и кристаллизуясь. В основе этих процессов лежат, как уже указывалось, реальные социально-экономические и политические интересы людей.

¹⁴ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 57.

¹⁵ Там же.

В. И. Козлов

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Статья А. Ф. Дашдамирова — основательный повод для обсуждения ситуации, сложившейся в области этнической психологии и возможностей развития этой научной дисциплины. Сама статья выполнена в философском плане и в целом отличается своей многогранностью и объективностью. Ее философской направленностью обусловлено и то обстоя-

тельство, что в ней почти нет фактического материала, конкретных примеров; достаточно сказать, что автор не привел в ней ни одного этнонима. Полагаю, что этнографы дополняют его конкретным материалом и переходят к существу дела.

Как я помню, вопросы этнической психологии поднимаются уже не в первый раз, и каждый раз раздавались призывы к развитию исследований в области этой важной, интересной, но тем не менее отстающей научной дисциплины. К сожалению, обычно такими призывами дело и ограничивалось. Проходило несколько лет, и мы вновь начинали разговор об этнической психологии примерно с тех же исходных позиций. Правда, за последние годы, отчасти благодаря усилиям некоторых этносоциологов, и в первую очередь исследованиям Л. М. Дробизевой, работа в этом направлении несколько продвинулась, но она касается лишь сравнительно небольшой пограничной зоны этнической психологии. Основные разделы ее еще ждут своих исследователей. И нам вряд ли удастся сдвинуть с места, так сказать, этнопсихологический «воз», если мы не найдем ответа на несколько важных вопросов, и прежде всего на вопрос о том, что же именно затрудняет развитие этнопсихологии, в чем же заключаются те трудности, которые нам необходимо как-то преодолеть?

Одной из главных причин отставания этнической психологии является слабое внимание, уделяемое ей собственно психологами, в том числе и специалистами в области социальной психологии, частью которой она является. Можно спорить, конечно, о том, кто должен играть ведущую роль в разработке этой стыковой дисциплины — этнографы или психологи, но ясно, что только участие психологов может обеспечить здесь должный уровень профессионализма. Между тем в опубликованных у нас за последние годы обобщающих работах по социальной психологии (на некоторых из них я остановлюсь далее) проблемы этнической психологии рассмотрены неполно, да и поверхностно. При этом на первый план в них чаще всего выдвигается проблема определения и изучения общности психического склада или «национального характера» как одного из основных якобы признаков нации. Автор одной из последних крупных работ этого типа Г. М. Андреева отметила, что в «марксистской традиции проблемы этнической психологии разрабатываются в свете учения о нации»¹. Следует заметить, что здесь вряд ли уместно говорить о традиции, тем более что такая тенденция определилась в основном в конце 1940-х годов в результате распространения в общественных науках некоторых догматических положений. А между тем именно она во многом затормозила развитие исследований по этнической психологии. Остановлюсь на этом подробнее.

Дискуссии по научному определению понятия «нация», проведенные в 1960-х годах, и начавшаяся в это время разработка теории этноса показали, что попытка возвести в ранг основного признака нации общность психического склада или «национальный характер», впервые принятая еще О. Бауэром, лишена достаточных оснований. То же самое относится и к определению этноса. Ведь общность психического склада, как, например, и общность языка, предполагает однообразие. Между тем многие народы и особенно крупные нации состоят из различных классово-профессиональных, регионально-этнографических, половозрастных и других групп, которые имеют настолько различные особенности психики, что говорить об общности их психического склада, о каком-то «национальном характере» можно лишь очень условно. Мне уже приходилось подробно аргументировать сделанный вывод², поэтому ограничусь лишь двумя ссылками. С. А. Токарев, открывший дискуссию по научному определению понятия «этнос», отметил, что привлечение признака «психического склада» или «национального характера» для определения этого понятия «кроме путаницы, ничего не вносит»³. И. С. Кон, на

¹ Андреева Г. М. Социальная психология. М.: МГУ, 1980, с. 219.

² См. Козлов В. И., Шелепов Г. В. «Национальный характер» и проблемы его исследования. — Сов. этнография, 1973, № 2.

³ Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей. — Вопросы философии, 1964, № 11.

которого нередко ссылаются в психологических работах как на автора,, признающего «национальный характер», даже включив в заглавие одной из своих статей прямой вопрос — «Национальный характер — миф или реальность?», в конце статьи оставил его, по существу, открытым,, ответив уклончиво: «Мне кажется — и то и другое»⁴.

Достигнутый за несколько десятилетий «прогресс» в методологии исследования общности психического склада или «национального характера» свелся главным образом к тому, что многие авторы стали считать психический склад более широким понятием, чем считавшийся ранее тождественным ему «национальный характер». Четкого определения того и другого так и не было дано. В упомянутой книге Г. М. Андреевой понятие общности психического склада нации вообще не рассматривается, в другой недавно вышедшей работе по социальной психологии оно* дано очень расплывчато. «Национальный психический склад,— говорится в ней,— включает национальный характер, национальное самосознание, привычки, вкусы, традиции и связанные с национальными чувствами национальную культуру, быт, национальную гордость и национальные стереотипы, отношение к другим нациям и народностям и т. п.»⁵, Бросается в глаза неправомерность включения в психический склад таких достаточно самостоятельных явлений, как культура и быт, изучением которых занимается не психология, а этнография. Неоправданно к включению в понятие национального «психологического склада» и национального самосознания, которое является важным самостоятельным признаком нации (и шире — этноса)⁶; реально оно проявляется в этнической самоориентации, т. е. в установках типа «я — русский» или, например, «я — узбек», которые сами по себе, конечно, не характеризуют особенности психики того или иного человека или группы и являются лишь своего рода фоном, на котором могут выступать такие особенности. Если же исключить из приведенного определения «национального психического склада» все неоправданно включенные в него компоненты, то он в значительной степени сведется опять-таки к «национальному характеру»,,, сущность которого и здесь осталась не раскрытой.

Таким образом, как психологи, так и этнографы оказались в тяжелом положении: перед ними стояла очень трудная задача по исследованию общности «психического склада» или «национального характера» у конкретных народов, но существо предмета исследования не определялось и, более того, само его наличие оказывалось проблематичным. Уже одно» это могло отбить желание браться за решение подобной «сверхзадачи». Более «смелыми» оказались некоторые философы, однако их попытки доказать существование общности психического склада у конкретных народов часто сводились к ссылкам на бытующие психические стереотипы вроде «аккуратности» немцев, «музыкальности» итальянцев или «темпераментности» испанцев. В научном отношении такие попытки были» легковесными; они легко опровергались ссылками на другие народы, которые также «музыкальны» или «темпераментны». В конечном итоге они не только лишний раз компрометировали указанную «сверхзадачу», но и как бы ставили под сомнение существование этнической психологии.

В литературе уже отмечалось, что правильнее предполагать не существование общности психического склада нации (этноса) или национального (этнического) характера, а существование некоторых этнических особенностей психики, отражающихся в специфике психической структуры того или иного народа. И. С. Кон пишет: «Раскрыть психологию, характер народа—значит раскрыть его наиболее значимые социально-психологические черты. Но ни одна из этих черт, взятая в отдельности,, не является и не может быть абсолютно уникальной. Какое бы конкрет-

⁴ Кон И. С. Национальный характер — миф или реальность? — Иностранная литература, 1968, № 9.

⁵ Социальная психология. История, теория, эмпирические исследования/Под ред. Кузьмина Е. С., Семенова В. Е. Л.: ЛГУ, 1979, с. 222.

⁶ См. Козлов В. И. Этническое самосознание и его место в теории этноса.— Сов. этнография, 1974, № 2.

«юе качество, будь то темперамент или ценностная ориентация, мы ни взяли, оно никогда не будет уникальным. Уникальна *структура* психических особенностей нации... Сравнение как индивидов, так и народов проводится главным образом по *степени* выраженности у них тех или иных общих черт и качеств»⁷. Подобных взглядов придерживается и А. Ф. Дашдамиров, отмечающий своеобразие форм проявления у различных народов тех или иных черт человеческого характера (например, трудолюбия, доброты и др.).

Соглашаясь в принципе с такой постановкой вопроса, не могу не отметить, что и в ней скрывается проблема, которую опять-таки трудно решить. Психологи едва справляются с задачей определения характера отдельных людей, так как необходимо учесть все особенности их восприятий и их реакций на все возможные (действительные и воображаемые) обстоятельства и события; составить же полный психологический паспорт на крупный народ неизмеримо труднее. Поэтому в интересах развития этнопсихологических исследований и привлечения к ним специалистов-психологов необходимо более решительно признать ошибочность концентрации научных исследований вокруг общности психического склада (или «национального характера») как одного из основных якобы признаков нации. Внимание ученых целесообразно направить на изучение *отдельных* сторон психики у людей, образующих этносы, сознательно ограничивая себя решением наиболее актуальных или интересных конкретных задач.

Переходя к некоторым другим причинам, затрудняющим развитие этнопсихологических исследований, отмечу, что объектом их могут быть как этносы в целом или крупные их подразделения (этнографические группы и т. п.), так и составляющие их люди. Материалами для первого вида исследований могут служить сведения о традиционно бытующих обычаях и нравах изучаемого народа, а также его язык, фольклор, литература, искусство и другие компоненты культуры. Сбор и анализ подобных данных можно осуществить лишь при направленном поиске, а это требует предварительно сформулированных гипотез или ведущих идей. То же самое, впрочем, относится и к исследованиям второго вида, основанным на материалах массовых обследований при помощи различных анкет или психологических тестов. Сформулировать же такие рабочие гипотезы или ведущие идеи опять-таки довольно сложно. Об этом свидетельствует, в частности, опыт зарубежных этнопсихологических исследований, внешне более продвинутых по сравнению с нашими.

Основной материал по исследованиям первого вида дает этнография, поэтому не случайно активное участие в них за рубежом приняла этнография; в американской этнографии, например, еще в 1930-х годах возникло даже особое «психологическое» направление⁸. А так как в большей части зарубежной психологии и психиатрии, к которым обратились этнографы, в то время господствовал фрейдизм, то и в основных этнопсихологических гипотезах отразились идеи З. Фрейда о либидо как самом могущественном факторе в человеческой жизни, о раннем детстве как о времени, когда под влиянием этого фактора формируется личность, а также о том, что грань между «нормальной» и «ненормальной» психикой весьма условна. Некоторые из работ американских этнопсихологов, например по изучению национального характера японцев, имели прикладное значение (проводились по заданию военного ведомства), что, впрочем, скорее повышает, нежели понижает интерес к ним. Однако большинство работ в этом направлении оказались в научном отношении не удовлетворительными. Они нередко вели к абсурдным выводам вроде того, например, будто бы основные черты русского национального характера во многом обусловлены обычаями тугого пеленания младен-

⁷ Социальная психология. Краткий очерк/Под ред. Предвечного Г. П. и Шерковина Ю. А. М.: Политиздат, 1975, с. 148.

⁸ См. Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М.: Высшая школа, 1978; Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. М.: Наука, 1980.

цев. Дальнейшее развитие работ такого типа было связано главным образом с использованием концепции «базовой личности», но и они; успеха не имели. В нашей научной литературе они подвергались критике, но эта критика, к сожалению, была негативной; никаких конструктивных идей по использованию этнографического материала в этнопсихологических изысканиях предложено не было⁹.

Следует сказать также о том важном направлении зарубежной этнопсихологии, опирающемся на массовое обследование населения, которое взяло на вооружение идею «модальной личности», т. е. психического типа личности, преобладающего у взрослых членов данного этноса; среди членов других этносов такой тип личности может также встречаться, но обычно как единичное, а не как массовое явление. От «базовой» «модальная личность» отличается менее органичной связью с особенностями традиционной культуры и своим статистическим, а не описательным характером.

Попытка рассмотреть особенности психической структуры того или иного этноса как особенности характера человека (усредненной «модальной личности»), конечно, упрощает проблему, однако и в таком виде, насколько мне известно, задача не была решена ни для одного более или менее крупного народа. На практике дело свелось к изучению лишь некоторых параметров психики. В последние два десятилетия много внимания было уделено изучению умственных способностей расовых и этнических групп путем использования психологических тестов Айзенка, Роршаха и других исследователей, довольно широко применявшихся в системе школьного образования. После публикации в конце 60 — начале 70-х годов работ А. Дженсена, по результатам которого получалось, что коэффициент интеллектуальности примерно на 60% обусловлен генетически, зарубежные психологи разбились почти поровну на сторонников и противников гипотезы о передаче умственных способностей по наследству. Аргументы противников варьировали от принципиальной неприложимости к национальному характеру признаков, связанных с особенностями мышления и уровнем способностей, до моральной недопустимости проведения таких исследований. При этом отмечалось, что способности всех людей в младенчестве будто бы равны и что различия, выявленные А. Дженсеном и другими исследователями, обусловлены не наследственными, а средовыми (прежде всего культурно-бытовыми) факторами; указывалось также, что проводимые тесты не всегда достаточно адаптированы к исследуемым расовым или этническим группам¹⁰.

Развернувшаяся дискуссия вышла за рамки научного спора, а так как в нашей стране подобных исследований не проводилось, то разобраться в некоторых ее деталях довольно трудно. Можно отметить лишь, что вопрос о проведении таких исследований к научной стороне дела прямого отношения не имеет. Если мы исходим из того, что психические (и умственные) различия между этническими или расовыми группами суть различия не качественные, когда какое-то «качество» может отсутствовать, а количественные, когда одни и те же общечеловеческие качества представлены в разной степени, то эта степень может и должна измеряться. Этнопсихологи так или иначе вынуждены прилагать к народам многие качества, взятые из психологии индивидов. При этом следует заранее ожидать, что какое бы качество ни явилось предметом измерения, — если не умственные способности, то, например, трудолюбие, или музыкальность, — всегда могут найтись люди, которые будут считать полученные результаты «неэтичными» и даже вредными. История многих наук полна такими примерами; придется преодолеть подобные трудности и в этнопсихологии. Уместно отметить лишь, что тот, кто выступает, например, против проведения сравнительных тестов у европеоидных и негроидных групп под флагом «антирасизма», может быть в душе еще

⁹ См., например, *Королев С. И.* Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов. М.: Наука, 1970.

¹⁰ См. *Лолер Дж.* Коэффициент интеллекта, наследственность и расизм. М.: Прогресс, 1982.

большим расистом, чем экспериментаторы, ибо он заранее уверен, что эти группы сильно отличаются друг от друга.

В известных тестах по определению умственных способностей, действительно, не все представляется вполне удовлетворительным, хотя возражать против них в принципе — это все равно, что возражать против системы школьных оценок. Чаще всего такие тесты отражают не столько умственные способности, сколько скорость мыслительных или психических процессов. Существенное влияние на такие параметры, вероятно, оказывает и наследственность, но в этом нет ничего странного. Люди от рождения должны быть равны перед гражданским законом, но по законам наследственности они могут сильно отличаться друг от друга. Культурно-бытовые факторы среды оказывают сильное воздействие на природные способности, они могут помешать проявлению некоторых из них или направить их в какое-либо другое русло. Тем самым выявленные результаты подобного влияния оказываются важными характеристиками данной культурной среды, преломленными в психике; они дают ценные результаты для этнической психологии. Встречающиеся требования большей адаптации тестов к конкретным этнокультурным условиям могут быть направлены на своего рода нивелирование этнокультурных различий и поэтому не всегда поддерживаются этнопсихологами. Особого внимания заслуживают невербальные тесты, которые можно успешно применять к представителям почти любого этноса. Можно предполагать, конечно, что при тесте на скорость выхода из лабиринта житель пустынных районов — туарег затратит больше времени, чем, например, пигмей, живущий в тропическом лесу, но конкретные результаты такого теста могут явиться одной из характеристик особенностей психики туарегов и пигмеев. Короче говоря, методика массовых этнопсихологических тестов заслуживает более пристального внимания, чем ей до сих пор уделялось в нашей литературе.

В последнее время сотрудниками нашего института были предприняты две значимые попытки получить массовый материал, касающийся этнической психологии. Одна из них связана с уже упомянутыми работами этносоциологов, которые, развернув свои исследования в различных национальных областях страны, включили в их программу и ряд психологических вопросов, связанных главным образом с межэтническими контактами на личностном уровне¹¹. Изучение психологических аспектов национальных отношений успешно продолжается и уже дало полезные результаты для планирования некоторых мероприятий в области национальной политики, для пропаганды интернационализма. Вторая, менее известная попытка связана с проведением работ по комплексному биолого-антропологическому и социально-этнографическому изучению явлений группового долгожительства, развернутых вначале в районах Закавказья¹². Среди гипотез, выдвинутых для объяснения случаев группового долгожительства, выделяются три психологические гипотезы. Первая из них связывает долгожительство с личностно-групповыми особенностями психики, с какими-то типами нервной системы, темперамента и психических реакций, позволяющими их носителям легко адаптироваться к условиям жизни, противостоять стрессовым ситуациям и т. п. В основе второй гипотезы лежит предположение о наличии особой социально-психологической атмосферы, нравов и обычаев, способствующих смягчению или снятию бытовых стрессовых ситуаций во всех возрастных группах. Третья гипотеза объясняет феномен долгожительства высоким статусом старых людей в семье и обществе, подчеркнутым уважением к ним со стороны окружающих и другими геронтофильскими явлениями. О конкретной работе по этим гипотезам, я полагаю, нам сообщит куратор этого раздела темы Г. В. Старовойтова. Хочу отметить лишь, что в случае охвата такими исследованиями разных народов мы получим очень интересный этнопсихологический материал.

¹¹ См. Дробизева Л. М. Об изучении социально-психологических аспектов национальных отношений. — Сов. этнография, 1974, № 4.

¹² См. Феномен долгожительства/Под ред. Брука С. И. М.: Наука, 1982.